

Раушан Нугмановна Байгужаева – писатель, сценарист, переводчик. Автор повестей, пьес, рассказов, сказок, соавтор сценария к фильму «Жылама» (Гран-при фестиваля «Звёзды Шакена», 2003). Принимала участие в создании первого казахстанского сериала «Перекресток». Занимала призовые места в республиканских литературных конкурсах в 1996, 2000, 2025 гг. Публиковалась в журналах «Простор», «Нива» (Казахстан), «Юность», «Подъем» (Россия). Начиная с 2005 года опубликовано более десятка книг ее переводов с казахского языка на русский художественной и историко-этнографической литературы. В 2025 году МКИ РК награждена грантом на издание сборника переводов произведений известных казахских писателей, а также с повестью «Джигит на золотом коне» стала призером Международного литературного конкурса имени Марка Алданова (США).

Раушан БАЙГУЖАЕВА

ДЖИГИТ НА ЗОЛОТОМ КОНЕ

Повесть

1

В народе говорят: «Лишь успела лошадь голову повернуть – вот и год прошел». Кажется, только вчера весь край созакский всколыхнулся в скорби от известия о кончине бия Мырзагула, как гонцы уже разнесли далеко по степи приглашение на поминки-ас по почтенному бию, устраиваемому его сыном Ерназаром. Бий прожил восемьдесят лет, снискал почет и славу своими деяниями, одним из первых в своем краю исполнил священный долг мусульманина – паломничество в благословенную Мекку, и предстоящие поминки по обычаю приравнивались к торжественному празднованию, которое казахи именуют коротким словом – «той».

Мырзагул-бий был великодушным и мудрым человеком спокойного нрава, разобравшим и рассудившим тысячи тяжб в своем племени Дулат. И не было ни одного истца, ни одного обвиняемого, который бы остался недоволен его решением. Хадж в Мекку Мырзагул-бий совершил на своем караковом коне Акмандае – Белолобом, названным так за белую отметину на лбу. Было бию тогда почти семьдесят лет.

За день до того печального события, когда над юртой вознесся горестный вопль: «Ах, отец мой!» и со всех сторон потянулись к дому бия люди, Мырзагул-хаджи позвал к себе сына и сказал: «Мне приснилась твоя матушка, моя дорогая Айганым, она звала меня к себе. Я ухожу. Будь опорой всей семье и своим сестрам, не урони чести рода». На другое утро хаджи подошел к своему коню и попрощался с ним. Он ласково потрепал его черную, как смоль, гриву, провел обеими ладонями по лбу, по скулам, погладил по хребту, крупу и бокам. «До-

рогое мое животное, мой верный друг Акмандай! – говорил он при этом своим обычным негромким голосом. – Благодарю тебя за то, что разделил со мной лучшие годы моей жизни. Настал мой час. Прости меня и прощай».

После предвечернего намаза бий прилег и тихо покинул этот бренный мир.

Умное животное поняло, что потеряло хозяина. Вместе с этим к нему пришло также понимание и своего конца. Это знание жило в его крови, во всем его существе, и уходило корнями в глубину веков, когда лошадь хоронили вместе с усопшим хозяином, чтобы и на том свете он не оставался пешим. И Акмандай согласился со своей судьбой, своим кротким поведением выражая готовность ко всему, что сделают с ним люди. А люди совершили то, что издревле передавалось им по обычаю: после похорон они подстригли ему гриву, укоротили хвост и отпустили на свободу. Он назывался теперь «тулды ат» – «конь в трауре», который, прожив последний год жизни на воле, будет принесен в жертву на поминках по своему хозяину.

Акмандай побрел в степь, не чувствуя легкости и радости навязанной ему свободы. Наоборот, в ней была непривычная пустота. Станные ощущения вызывали также короткая грива и метелка хвоста. Он не знал, куда идти, что делать и как жить дальше. Еще годовалым стригунком Акмандай был подарен бию за справедливое суждение в одном сложном деле, и с тех пор они не разлучались.

Если бы лошадь могла говорить, она рассказывала бы о том, каким хозяин был добрым и ласковым человеком. Выезжая в аулы по судебским делам, он всегда заботился о том, чтобы конь его был привязан в удобном месте, напоен и накормлен. Акмандай поведал бы, какие трудности им с хозяином пришлось преодолеть по пути в далекую Мекку. Особенно тяжелой и изнурительной была дорога по пустыне, когда раскаленные подковы жгли копыта, а от палящего зноя готова была вспыхнуть шерсть. И постоянно мучила жажда. Как в одном из караван-сараев, где роились тучи зеленых мух, хозяин отравился, и из него несколько дней текла желтая жижа. Наверное, он бы расстался с жизнью там, в пустыне, если б не старуха, закутанная в черное одеяние так, что были видны только глаза. Она поила хозяина каким-то зельем, пока он не исцелился. И даже там исхудавший, обессиленный, боровшийся за жизнь бий ни на мгновение не забывал о своем друге: он распорядился привязать коня под навесом, где лежал сам, и следил за тем, чтобы его вовремя поили и выдавали порцию ячменя.

Зато каким легким и радостным был обратный путь! Та же пустыня с ее испепеляющим зноем и редкими колодцами, со скудной колючей травой уже не казалась земным адом. Хозяин был светел и невесом, словно перекаати-поле. Своим конским чутьем Акмандай догадывался, что эта воздушность исходит не от его худобы, а от чего-то другого. Мнилось ему, что, побывав там, в том изумительном царстве облаченных в белое людей, бий точно переродился. Если раньше хозяин, проявляя ласку, лишь трепал его за ушами и похлопывал по крупу, то теперь он начал беседовать с конем, и Акмандай понимал всё, о чем он говорил...

Ноги сами привели коня к кладбищу. Здесь стояли старые и новые мазары, богатые и бедные, украшенные орнаментом, с посвящениями усопшим и совсем незатейливые, – последняя дань живых покинувшим сей суетный мир. Акмандай безошибочно нашел могилу своего хозяина. Это был небольшой свежий холмик с серым камнем у изголовья. Он понюхал землю, постоял немного, потом лег рядом и положил голову на край могилы. Конь лежал так, а из прикрытых глаз его текли слезы.

2

Ерназар был зажиточным баем с многочисленными отарами овец и коз, с табунами лошадей. Разводил он также верблюдов. В народе его почитали за заботу о простом люде, за щедрость. Ерназар во многом походил на отца, но главным отличием была, пожалуй, его страсть к чистокровным скакунам, две дюжины которых содержались у него в особых условиях. За ними ухаживали избранные конюхи, выпасали лучшие табунщики. Здоровье и телесное состояние их были доверены опытным лекарям, а поднаторевшие в своем деле знатоки лошадей – атбеги – придиричиво проверяли скакунов на чистоту породы.

Среди знатоков самым опытным был старый Октай. Его внук Айдос с самого детства находился при нем, с азов усваивая лошадиную науку. Пять лет назад, на исходе июня, единственная в табуне чубарая кобыла Шубарша родила недоношенного жеребенка. Всего неделю не доносила кобыла своего детеныша, но он был совсем плох, не двигался и едва дышал. Октай внимательно осмотрел жеребенка и поцокал языком: «Ах, как жаль! Такой из него получился бы тулпар!» Айдос, стоявший рядом с дедом, встрепенулся: «Ата, давай я попробую его выходить!» Октай покачал головой: «Пустая это затея, сынок». Пришедший по зову слуг бай тоже печально махнул рукой: «Не жилец».

Упрямый парнишка все-таки настоял на своем. Он дневал и ночевал возле жеребенка, менял под ним подстилки, укрывал теплой попоной, кормил молозивом матери, которое сам сдаивал, не оставляя ни капли. Так его учили лекари. На третий день, когда жеребенок немного окреп и начал держать голову, Айдос помог ему подняться на тонкие ноги и подвел к чубарой кобыле. Обычно первородки сторонятся своего жеребенка и не подпускают к себе. Но Шубарша принялась облизывать сына, стоящего, пошатываясь, на разъезжающихся ногах. Она готова была излить на него всю свою материнскую нежность и любовь. Жеребенок был весь в мать, с такими же темными пятнами на светлом. Айдос назвал его Каршыга – Ястреб. Еще когда тот лежал почти бездыханный, в том безвременье между жизнью и небытием, джигит нашептывал ему на ухо: «Каршыга! Тебя зовут Каршыга! Ты – ястреб! Такой же, как ястреб, пятнистый, стремительный и сильный!» Когда кобыла сполна насладились встречей с сыном, она сама подставила ему свои налитые молоком сосцы. Айдос помог питомцу прильнуть к ним, и он блаженно зачмокал.

Говорят: «Терпение и труд всё победят», «Истинный умелец по песку корабль проведет». Что же сделало пятнадцатилетнего подростка таким умельцем, ведь он никогда прежде не поднимал на ноги умирающих жеребят? Паренек и сам не смог бы объяснить этого. Едва увидев новорожденного жеребенка, которому все дружно предрекли смерть, он чуть не задохнулся от пронзившей сердце боли. И кто-то внутри него сказал: «Ты должен спасти его!» С того самого мига всё его существо было подчинено этому приказу. Дед Октай и лекари давали ему советы и тут же с сочувствием вздыхали, ибо не верили в благой исход. Но Айдос и мысли плохой не допускал. Он просто изо дня в день делал то, что велело ему сердце.

Увидев двухмесячного чубарого жеребенка, который, задрав метелку хвостика, резво бегал среди сверстников, бай Ерназар глазам своим не поверил. А когда ему доложили, что выходил его Айдос, он при всех торжественно хлопал молодого опекуна по плечу и сказал: «Э, джигит, да ты молодец! Что ж, дарю тебе этого шалуна. Ишь, как носится! Вырасти из него непобедимого тулпара!»

Радости Айдоса не было границ, он и мечтать о таком не смел. Позже, когда Каршыга подрос, дед Октай высоко оценил его: «Посмотри, какие длинные у него ноги, высокий круп, сухая голова, широкие ноздри, над глазами ямки, –

пот не будет заливать глаза; шея мощная, уставать не будет на аламан-байге, уши гибкие, как у кулана, взгляд задумчивый и чуткий; грудь широкая, локти далеко отстоят от ребер, не мешают при беге, холка ниже репицы; копыта круглые и плотные, не будут перегреваться... Он ушел от смерти, и это неспроста. Явно твой баловник отмечен покровителем лошадей Камбаром-ата. Ему уготована яркая судьба». Эти слова атбеги вселяли в сердце его внука большую надежду. Но он понимал, что для осуществления этого предсказания необходимо трудиться, не покладая рук, и ему, и его любимцу.

Два года назад в байге в честь праздника Наурыз Каршыга пришел первым среди трехлеток. Эта победа окрылила Айдоса, и джигит окончательно поверил в своего питомца. Нынче он собирался выставить Каршыгу на скачках среди пятилеток.

3

У бая Ерназара было пятеро сыновей. Для степняка это настоящее богатство, пять ветвей, продолжающих его родословную. Но он мечтал о дочери, которая будет говорить ему нежным голосом: «Аке! Где ты пропадал целый день? Я так соскучилась по тебе!» Никто из сыновей не скажет ему таких слов, не сядет подле него, не прильнет, ласкаясь, к его груди. Но жене бая Бикеш никак не удавалось забеременеть. К тому же жил в ее сердце страх вновь родить мальчика и не оправдать надежды мужа. Как-то она даже сказала ему: «Стара я стала, мне уже скоро сорок. Ты бы взял молодую токал¹, она и родит тебе дочь. Да и пора мне стать байбише, сидеть на почетном месте, как на троне, а токал пусть занимается хозяйством». Но бай покачал головой: «Никто мне, кроме тебя, не нужен, моя Бикеш. Если ты не родишь, значит, не судьба. А помощницы у тебя и так есть, пока две невестки, женим остальных мальчиков, будет еще три». В глубине души Бикеш была горда тем, что муж однолюб, не в пример другим баям-многоженцам. Но слухи о том, что они смеются над Ерназаром, отпуская недвусмысленные шутки, ее огорчали. Однако больше женщину печалила тоска мужа о дочери.

И вот в одну из сред, которая считается удачным днем, Бикеш в сопровождении двух слуг выехала к усыпальнице святой Домалак-ана, праматери племени Дулат. Она три дня жила там, возжигала светильники и молилась духу святой матери, чтоб та подарила ей дочь. Ее страстные молитвы, наполненные желанием угодить любимому мужу, были услышаны, и вскоре под сердцем Бикеш завязался плод.

Девочку называли Нурила, в честь праматери. Она унаследовала от Бикеш приятные мягкие черты, а от отца – спокойный нрав. Все говорили, что девочка похожа также на Домалак-ана, такая же маленькая ростом и разумная. Ерназар не чаял в ней души, привозил из поездок разные подарки и лакомства. Он очень дорожил своей долгожданной дочерью, и не сразу согласился, когда его друг и жекжат² Касым предложил помолвить детей.

Был у Касыма непоседливый сын-забияка по имени Саржан. С детства он славился своей безрассудной храбростью: мог в одиночку ринуться в драку на троих обидчиков, голыми руками поймать гадюку и пугать ею девочек, на спор переплыть реку в половодье. И не было равных Саржану в игре в асыки³.

Ерназар был многим обязан Касыму. Благодаря его бесценным советам во время джута в год Зайца бау удалось сохранить большую часть скота; Ка-

¹ Токал – вторая и последующие жены.

² Жекжат – дальний родственник или близкий человек, приравненный к родственнику.

³ Асыки – игра в бабки.

сым выступал главным сватом в женитьбе двух его старших сыновей. Жёны их происходили из одного аула и дружили с детства. Кроме того, Касым прекрасно играл на домбре, и Ерназар любил слушать его игру, перемежаемую неспешными беседами. Где еще найдешь такого свата?

И вот, когда Нуриле исполнилось семь лет, а Саржану – девять, родители торжественно помолвили их. Ерназар настоял на том, чтобы провести свадьбу после семнадцатилетия девушки. Им с женой хотелось продлить счастье пребывания дочери в доме, да и дед ее, Мырзагул, одобрил это решение.

В прошлом осталось Казахское ханство, чингизиды – торе и султаны – лишились могущества, им на смену пришла царская власть, правление которой усиливалось с каждым годом. Вступивший на трон после убийства народолюбцами Александра Второго его сын Александр Третий повел политику русификации окраин. Дальновидный бай Касым отправил Саржана на учебу в Туркестан, в открывшийся там лицей для детей русских чиновников и «туземной» знати. Саржан оказался способным учеником и за три года освоил азы преподаваемых наук, а также неплохо говорил по-русски. Однако его вольнолюбивая натура тяготилась строгими порядками и жесткими требованиями лицея, а вздорный характер побудил к драке с сыном самого уездного начальника. Разразился нешуточный скандал, был срочно вызван родитель хулигана. Баю Касыму пришлось уплатить немалый кун, чтобы загладить вину перед высоким начальством. Но Саржан всё же был исключен из лицея и бесславно вернулся в аул.

Разгневанный отец выслал его к родичам жены. Там парнишка попал в ежовые рукавицы известного крутым нравом дяди. Тот заставил его пасти баранов, а зимой послал в табуны. Зима выдалась суровой, и подросток сполна испытал на себе все тяготы жизни табунщиков. Но однажды нагаши⁴ взял его с собой на базар в Аулие-Ате, и там Саржан помог ему выгодно продать сотню овечьих шкур русскому купцу, бойко ведя переговоры по-русски. Дядя остался доволен, отозвал племянника с выпасов и с той поры до самого лета держал при себе, прибегая к его помощи в хозяйственных расчетах.

Из двухлетней ссылки Саржан вернулся подростком и возмужавшим, с подарками и письмом отцу, написанным арабской вязью. В нем нагаши отчитывался зятю о проделанной им воспитательной работе и сообщал о том, что разбудил в жиене⁵ способности к ведению хозяйства. Обрадованный Касым-бай рьяно принялся приобщать сына к делам. Но, как вскоре выяснилось, дяде не удалось сделать самое главное: уничтожить в племяннике шайтана, который затаился на время и лишь ждал своего часа. Спустя несколько месяцев Саржан опять взялся за свое, но теперь это были кокпар⁶, кыз-куу⁷ и другие будоражающие кровь игры, гулянья до утра, слабость к женскому сословию. Реже, но все-таки случались и драки.

Теперь у Касыма оставалась последняя надежда: он истово верил, что покладистая, умная Нурила сможет утихомирить его непутевого сына. Ведь недаром говорится в народе: «Хорошая жена исправит плохого мужа и сделает его ханом». С годами у Нурилы обнаружился целительский дар, она могла убирать сглаз у детей, лечить грыжу и другие детские болезни. Словом, лучшей невестки невозможно было найти во всем Созаке и даже за его пределами.

Но кто знает наперед, что уготовано нам судьбой? Когда были соблюдены все обычаи сватовства и полным ходом шли приготовления к свадебному тою,

⁴ Нагаши – родственник по материнской линии.

⁵ Жиен – племянник по материнской линии.

⁶ Кокпар – национальная игра «Козлодранье».

⁷ Кыз-куу – национальная игра «Погоня за девушкой».

неожиданно почил Мырзагул-бий. И пришлось отложить свадьбу на год. Все восприняли это по-разному. Больше других огорчился Касым, Ерназар же невольно почувствовал облегчение, а жены их, Бикеш и Жибек, поняли, что это знак свыше, но не знали, к добру ли он.

Молодые же встретили эту отсрочку с тайной радостью. И у каждого из них была своя причина.

Прошлым летом, участвуя на одном празднестве в игре «Погоня за девушкой», Саржан не сумел догнать красотку из дальнего аула. И, по правилам игры, она отхлестала его камчой на глазах у всего народа. С тех пор он потерял покой и мечтал только об одном: поцеловать эту быструю, как лань, длинноносую девушку. Ни о чем другом он даже думать не мог. К тому же в свои двадцать лет он не чувствовал себя готовым для создания семейного очага и всех связанных с этим обязанностей и хлопот.

А Нуриле, когда ей было пятнадцать, приснилось, что ее увозит в далекие края смуглый джигит на золотом коне. Потом этот сон повторился еще дважды. И ей не было страшно, наоборот, во сне девушка испытала неизведанное прежде чувство, которое, проснувшись, осмелилась назвать счастьем.

4

Гости начали съезжаться на поминки до назначенного дня. Они ехали с богатыми дарами, большей частью это был скот: овцы и лошади. Невдалеке от аула Ерназара кипела работа: разбивались юрты, устанавливались коновязи, в отведенном месте рылись земляные очаги, резался жертвенный скот. Стоял неумолчный шум людских голосов, блеянья овец, ржанья лошадей, лая собак, смеха и плача ребятишек.

Нурила вместе с матерью, тремя снохами и двоюродной сестрой Рахилей хлопотали в доме, готовя жыртысы⁸ тем гостям, которые не смогли приехать на похороны и получить положенные им дары в память о покойном бие. Две другие невестки были на сносях, и поэтому их освободили от дел. После полудня Бикеш объявила, что все подарки готовы, и велела прислуге накрыть дастархан. Уставшие от кропотливой работы женщины и девушки насладились густым чаем с козьим молоком вприкуску с прозрачными кусками навата и сухофруктами.

Потом невестки ушли к своим детям, а девушки накинули поверх платьев бешметы и вышли наружу. Стоял апрель, весна в Созаке входила в свои права, молодой травой и желтой россыпью одуванчиков покрылись все близлежащие луга и холмы, журчали ручьи, пели на все лады птицы. Особенно красивые рулады выводили черные дрозды в кронах карагачей, растущих вдоль небольшой речки, которая, вскипая на камнях, несла свои воды в реку Ушбас. А та, в свою очередь, спешила к Красному Озеру – Кызылколь.

Рахилия приехала на днях из аула Сулутор близ Аулие-Аты, где жила родня Бикеш. Помимо родства Нурилу и Рахилию объединяла дружба. Они были почти ровесницами, Рахилия родилась лишь на месяц позже. И в то же время они были совсем разные: смуглянка Рахилия на голову возвышалась над Нурилой и отличалась от степенной сестры веселым нравом, любила разные игры и шутки.

Девушки пошли по берегу речки, разминая затекшие от долгого сидения ноги и беседуя.

– Нукеш, я давно хотела спросить: ты любишь Саржана?

⁸ Жыртысы – небольшие отрезки тканей, раздаваемые на похоронах.

Вопрос сестры прозвучал неожиданно. Нурила вздохнула:

– Я не знаю, что такое любовь. Мы же с Саржаном знакомы с самого детства. Можно сказать, он мне как брат. Если говорят, что парень опять подрался с кем-то и поранился, мне бывает жаль его. А когда два года назад он упал с коня и сломал два ребра, я даже плакала. Но, конечно, это не любовь, как описывают ее в легендах...

Нурила поймала себя на том, что завидует Рахиле, которая не была связана узами помолвки.

– Ты добрая, Нукеш, – улыбнулась сестра. – Всех жалеешь. А мужчин не надо жалеть, им не надо доверять... Ох, Нукеш, мы с тобой уже старые девы! Нам по восемнадцать, а мы еще не замужем! – она весело засмеялась и заразила смехом сестру.

Отсмеявшись, Рахили произнесла задумчиво:

– А знаешь, что я тебе скажу? Саржан – хороший парень, только он еще не наигрался.

– Когда ты успела его узнать? – удивилась Нурила.

– Ты забыла, что он приезжал в Сулутор, к своему дяде? Вот тогда я и познакомилась с ним... Взгляни туда, Нукеш! – воскликнула вдруг Рахили, показывая пальцем на просвет между двумя деревьями.

На ближайшем холме они увидели всадника. В лучах солнца конь его сверкал, как золотая статуя.

«Джигит на золотом коне!» – ахнула Нурила, и сердце ее забилося так, словно готово было выскочить из груди.

5

Гости продолжали съезжаться и на другой день. Сыновья Ерназара были заняты их встречей и распределением по отведенным юртам. Им помогали проворные джигиты из прислуги. Сам бай Ерназар встречал особо важных гостей: уездного начальника, волостного, участкового пристава, сватов, родню жены. Но из пароконной повозки уездного начальника вместо его дородной фигуры появился стройный молодой господин в сопровождении толмача. Это оказался племянник уездного, а сам глава уезда сказался больным.

Юноши и девушки в нарядных одеждах играли в разные игры или раскачивались парами на качелях алтыбакан. Многие скакуны, прибывшие для участия в байге, были накрыты яркими попонами от сглаза. Мальчишки-шабандозы⁹ находились при лошадях.

Нияз с двумя друзьями искупали лошадей в реке и сами освежились после многодневной дороги. Потом они расположились в тени цветущей яблони неподалеку от алтыбакана, потягивая кумыс и переговариваясь.

– Что это за девушка, маленькая, как наперсток? – спросил вдруг Нияз, глядя на Нурилу, идущую рядом с Рахилей к качелям.

– О! Это единственная дочь бая Ерназара, – сказал балуан¹⁰ Кобей, поводя могучими плечами. – Но пусть на этом твой интерес закончится, потому что я слышал, девушка помолвлена, и сразу после аса у нее свадьба.

– Помолвлена, еще не значит замужем, – заметил стрелок Алим. – А мне приглянулась вон та долговязая, что рядом с ней.

– Пойдем, – сказал решительно Нияз.

Они с Алимом поднялись и пошли к качелям.

– Идите, идите, гуляйте, пока молодые! – кивнул Кобей, почесывая бородку. Он был старше своих товарищей и давно обзавелся семьей...

⁹ Шабандоз – жокей.

¹⁰ Балуан (палуан) – борец.

Нурила взлетала на алтыбакане так высоко, что захватывало дух. Высокий смуглый джигит на другой стороне качелей раскачивал их всё сильнее. Ее розовое платье с оборками развевалось на ветру, то наполняясь воздухом, то прилипая к телу. Синий бархатный камзол едва закрывал бедра, и в голове ее мелькнуло, что надо было надеть длинный бешмет. Однако эта целомудренная мысль быстро растаяла, и всё ее существо задрожало, запело от переполнявшего восторга и волнения. Нурила не визжала и не хохотала, как другие девушки, а лишь тихо охала на спусках. Нияз смотрел ей прямо в глаза из-под густых, сростающихся на переносице бровей. Девушке казалось, что это само солнце смотрит на нее, и она жмурила глаза.

Когда они спустились с качелей, их ожидал младший брат Айдоса Жумабай.

– Нурила-апке, дочка Айдоса-ага сильно плачет, бабушка говорит, что у нее лопатки запали. Просят вас прийти полечить.

Опьяненная катанием на качелях, Нурила не сразу пришла в себя. Потом провела ладонями по пылающему лицу, вздохнула и кивнула с готовностью:

– Конечно, пойдем! – и побежала за Жумабаем.

Ниязу ничего не оставалось, как проводить взглядом ее маленькую ладную фигурку.

6

В просторной восьмиканатной юрте за накрытым дастарханом сидели мужчины. Это были в основном прибывшие издалека гости. В ожидании мяса они пили пенистый молодой кумыс и вели беседы. Был среди них и сери¹¹ Оспан из рода Аргын, приехавший из Сары-Арки. Светлый ликом, с щеточкой рыжеватых усов над тонкой губой, он был настоящим щеголем. Расшитый золотым орнаментом голубой бархатный бешмет его дополняли мягкие сизые сапоги из кожи жеребенка. На голове красовалась шапочка из такого же бархата, отороченная серой норкой и украшенная пером филина. Оспан-сери острил, рассказывал веселые байки и играл на домбре, заставляя всех сидящих в юрте смотреть ему в рот. Кыргыз из Таласа сыграл кюй на своем легком, плоском комузе, вертя его в разные стороны и делая руками замысловатые движения. Все одобрительно рукоплескали ему. Оспан тут же взял свою домбру и заиграл известный наигрыш, подражая кыргызу. Он даже превзошел его, закидывая домбру за спину соседа справа, проводя ее вокруг головы соседа слева и при этом не прерывая звучания ритмичной мелодии. «Барекельды! Пай, пай! Вот так умелец!» – раздавались отовсюду восторженные возгласы.

– Оспан-ага, я просто влюблен в вас, будь девушкой, почел бы за честь выйти за вас замуж! – выпалил Саржан, не сводя с сери обожающих глаз.

Все вокруг засмеялись, а Оспан лишь ухмыльнулся, ему не впервой было слышать подобные речи.

– Мой дорогой, я не могу сказать, что польщен твоими словами, – насмешливо улыбаясь, сери вперил свои рысьи глаза в Саржана. – Если ты готов превратиться в девушку для меня, оставив без жениха дочь почтенного Ерназара, то не столь уж высока цена этой жертвы. Хорошо, что невеста не слышит твоих слов.

Все вокруг разразились смехом и зацокали языками. А Саржан пристыженно опустил голову.

– Осеке, что-то не видно возле вас свиты, или вы нынче один прибыли? – спросил брат волостного, коренастый мужчина средних лет.

¹¹ Сери – певец-импровизатор, музыкант, щеголь, любимец публики.

Оспан допил свою чашу кумыса, крикнул, вынул из кармана яркий платок из тонкого китайского шелка и провел им по губам.

– Да, так и есть, – кивнул он. – На сей раз я приехал один, со своим Кокжалом. Со мной лишь мальчик-шабандоз. Как когда-то Акан-сери, приехавший на ас Сагыная один, с Кулагером. Надеюсь, меня минует его участь.

– Астапыралла! Что вы такое говорите! Да хранит вас Аллах! – раздались отовсюду суеверные голоса.

Среди гостей выделялся русоволосый юноша с бакенбардами. Он был одет в двубортную тужурку и брюки с лампасами. Это был Александр Орлов, племянник уездного начальника Туркестана. Он и сын уездного, студенты последнего курса университета, недавно прибыли из Петербурга на каникулы. Впервые оказавшийся в степи юноша во все глаза осматривал убранство юрты, степняков и чувствовал бы себя Миклухо-Маклаем в Новой Гвинее, если б не толмач Ахмет Бокин, который то и дело наклонялся к уху любознательного петербуржца, отвечая на его вопросы. Казахи с не меньшим интересом поглядывали на гостя. Бокину пришлось представить своего подопечного. Полагая, что никто из присутствующих не владеет русским, а Орлов не знает казахского, Бокин возвысил его статус:

– Это господин Александр Орлов, молодой ученый, племянник уездного начальника, господина Петра Ивановича. Недавно прибыл из Петербурга, интересуется нашим краем.

И сразу раздались голоса:

– Барекельды! Ескендер зовут, как царя.

– Лицо у него открытое, не то что у дяди, видать, славный малый.

– Ассалом алейкум! Добро пожаловать!

Видя обращенные к нему приветливые взоры, Орлов закивал:

– Здравствуйте, господа! Весьма рад знакомству!

– Александр, а почему не приехал Николай? – вдруг спросил по-русски сидящий рядом Саржан.

Студент развел руками:

– Николай несколько устал с дороги. Мы ведь приехали третьего дня. А вы изволите знать его?

Саржан не успел ответить. Вошел Ерназар, следом за ним джигиты из прислуги внесли три больших деревянных блюда-астау, наполненные доверху большими кусками мяса, и расположили их на дастархане.

– Секе, пожалуйста, благословите, – обратился хозяин к бию Сейдахмету, старшему в юрте, ученику и последователю усопшего. Вслед за бием все раскинули руки.

– Да благословит Аллах и поддержат предки! Пусть достопочтенный Мырзагул-бий покоится с миром, а душа его обретет пристанище в самых высоких чертогах рай! Пусть следом будет той, богатство потомков множится, и живут они без печали! А дастархан расстилается в честь благих событий! Аумин!

Сидящие вторили бию: «Аумин!» и, проведя по лицу, принялись за трапезу. Александр повторил за всеми этот жест, чем вызвал улыбки и еще большее расположение к себе. Толмач хмыкнул и прошептал ему на ухо: «Саша, вам не обязательно делать это, вы же не мусульманин». Но петербуржец отмахнулся от него. Ерназар извинился и ушел в соседнюю юрту, к высоким гостям.

После обильной еды все долго пили чай из большого медного самовара. Чай разливала миловидная молодуха в простом зеленом камзоле и платке с кистями. Это была единственная женщина в юрте, и привычный к женскому обществу Оспан-сери сразу обратил на нее внимание. Он некоторое время от-

крыто любовался ею, словно отдыхал глазами от лицезрения грубых мужских лиц, затем перевел взгляд на Нияза.

– Оу, молчаливый мырза! Я сам люблю говорить и потому не жалую многословных. Но вы будто проглотили язык! – воскликнул Оспан, тараща глаза. – По одежде вашей я вижу, что вами проделан длинный путь. Если вы не немые, то поведайте нам о себе.

Джигит сначала выстрелил в него взглядом своих жгуче-черных глаз, потом выпрямился и приступил к рассказу:

– Совершенно верно вы заметили, Осеке, мы с друзьями, пожалуй, самые дальние гости на этих поминках. А молчалив я по своей природе, и мне нравится больше слушать других, особенно когда есть что послушать. Зовут меня Нияз, я из Младшего жуза, племени Байулы, рода Кызылкурт. Я и мои товарищи, – тут он обвел глазами сидящих рядом с ним Кобея и Алима, – прибыли вчера с берегов Жайыка. С нами еще мой младший брат-шабандоз.

– Ойпырмай! И вправду издалека! – закачали люди головами.

– Мой дед Салимгерей познакомился с покойным бием Мырзагулом в достославной Мекке во время паломничества, – продолжал Нияз. – Они вместе возвращались оттуда и разошлись на берегу Аму-Дарьи. Мой дед, слава Всевышнему, еще жив. Спасибо Ерназару-ага, он прислал к нам гонца, и вот мы здесь от имени Салимгерее-ата.

– Барекельды! Аруах Мырзеке-хаджи будет доволен вами! – одобительно загудели сидящие.

А Оспан-сери сделал несколько громких хлопков ладонями и прищурился:

– Как поживает ваш күйши Курмангазы?

Джигиты Младшего жуза переглянулись и закивали:

– Слава Богу, он в добром здравии. Мы ведь из одного рода с ним.

– Вот как? Надеюсь, кто-нибудь из вас порадует нас его кюями?

Нияз взял лежавшую за спиной домбру, настроил ее и заиграл. Быстрые, ритмичные звуки полились из-под пальцев джигита, наполняя собой всё пространство юрты и вырываясь наружу, в темноту ночи. Бунтарский дух воинственного племени звучал в каждом ударе по струнам, волной сопричастности отзываясь в сердце слушателей, волнуя и зовя к подвигам. Домбра словно ожила и ходила ходуном в сильных и чутких руках Нияза. В голосе ее слышались топот лошадей, крики всадников, боевые кличи, звон сабель, свист ветра. У распахнутых настежь дверей послушать собрались люди из соседних юрт.

Когда, издав последний звук, домбра затихла, народ разразился возгласами одобрения и восторга.

– Пай, пай! Ай да джигит, молодец!

– Что за чудо этот күй!

– Впервые слышу! Как называется?

– Это күй Курмангазы, называется «Адай», – громко, чтобы все слышали, провозгласил Нияз.

– Дорогой, сыграй еще!

– Да, да, просим!

Молчал один Оспан. Он сидел, склонив голову, словно прислушиваясь к себе. Казалось, он впитал в себя только что прозвучавший наигрыш и не хотел расставаться с ним.

Нияз проверил настройку домбры, погладил ее и сказал, обращаясь к сери:

– Осеке, вы прибыли из сердца казахской земли – Сары-Арки. У нашего земляка есть күй, посвященный вашей родине.

Нияз опять ударил по струнам, и полились новые звуки, но теперь это была музыка необъятной мирной степи, по которой скачут табуны быстроногих лошадей. Она отражала торжество вольной кочевой жизни.

И опять игра домбриста была встречена громким одобрением слушавших. Но, пожалуй, больше всех был впечатлен гость из Петербурга.

– Удивительно, – сказал он Саржану. – Всего две струны, а какой богатый диапазон звуков!

– О! Александр, вам еще многому придется удивляться здесь, – горделиво заметил тот.

Толмач Бокин окинул его ревнивым взглядом.

Оспан-сери вышел, наконец, из оцепенения и сказал Ниязу с искренним чувством:

– Спасибо, братец! Прекрасные кюи. Передавай горячий привет от меня своему земляку.

Тут вошел старший сын Ерназара и объявил:

– Уважаемые гости! Завтра в обеденное время главное угощение аса. Потом молодым джигитам можно принять участие в кыз-куу. Послезавтра казакша-курес¹² и жамбы-ату¹³. А байгу назначили на третий день. В отведенных вам юртах готовы постели. Можете отдыхать.

7

В полдень десятки джигитов на иноходцах начали развозить большие блюда с мясом по юртам, где за накрытыми дастарханами уже сидели гости и пили кумыс. По мере того, как угощение поступало в юрту, мулла, сидящий во главе дастархана, приступал к чтению молитвы. Во время трапезы люди делились воспоминаниями о покойном хаджи, некоторые сетовали, что теперь, при нынешней власти, судейство биев сильно сократилось. В главной юрте, где сидели именитые гости, Ерназар-бай старался пресечь такие высказывания, дабы не навлечь немилость властей из Туркестана.

Нурила провела бессонную ночь и уснула лишь под утро. Она всегда была ранней пташкой, и мать не на шутку встревожилась: не заболела ли?

– Не беспокойтесь! – заверила ее Рахия. – Нукаш просто устала очень. Вчера очень долго качалась на алтыбакане, – и она с лукавством взглянула на сестру.

А у той перед глазами стоял вчерашний джигит с орлиным взором, имени которого она не успела узнать. Сердце ей подсказывало, что он и есть владелец золотого коня, а разум шептал: «Что ты делаешь? Успокойся! Скоро у тебя свадьба с Саржаном».

Жених ее тем временем с нетерпением ждал игры кыз-куу, надеясь опять встретить запавшую в душу девушку. «Благожелатели» сообщили ему, что накануне Нурила качалась на алтыбакане с одним из гостей, но он и ухом не повел. «Ну и что? Пусть вдоволь покачается напоследок», – ответил парень и на всякий случай попросил выяснить, что это за тип. К тому же он был занят петербуржцем Орловым, который предпочел скучному толмачу Бокину веселого, разбитного Саржана, и теперь они всюду ходили вместе.

– Напрасно Николаша не приехал, – вздыхал Александр. – Здесь столько интересного!

Саржан многозначительно усмехался в ответ. Он уже успел рассказать студенту о том, как когда-то побил этого Николашу, и намекал на оставшийся в сердце сына уездного начальника возможный страх перед ним.

¹² Казакша-курес – национальная игра, борьба по-казахски.

¹³ Жамбы-ату – национальная игра, стрельба по мишени.

Нияз тоже плохо спал ночью. Причиной отчасти была духота в юрте, где вповалку лежало несколько мужчин, к тому же половина из них храпела или скрипела зубами. После поминального обеда он побрел в степь и растянулся там, в тени одинокой дикой урючины. В отличие от своих собратьев, дерево было довольно высоким и раскидистым, с могучим, слегка искривленным стволом. Оно уже успело отцвести и покрыться листьями. Джигит не собирался участвовать в кыз-куу. Ему было уже двадцать три года, и он считал ее утехой для более молодых. К тому же надо было дать отдых лошадям, проделавшим длинный путь. Нияз заснул мгновенно, едва смежил веки.

В это самое время Нурила, клевавшая носом над вышиваньем у себя за занавесом, вдруг упала набок и тоже заснула. Увидев спящую дочь, Бикеш забрала работу из ее рук, подложила под голову подушку и накрыла бешметом. «Ах, душа моя, что ты вздумала вышивать в такой день?» – пробормотала она, качая головой. А Рахилия решила принять участие в игре и пошла в конюшню бая выбирать лошадь.

Смотреть игру собралось немало народу. Александр, получивший понятие о предстоящей забаве, с удивлением спросил Саржана:

– Позволь, ты собираешься участвовать в этой игре, а как же твоя невеста? Мне кажется, что по отношению к ней ты поступаешь нехорошо.

– Это же игра, Саша! – рассмеялся Саржан и поехал искать свою длинно-косую.

Увы, ее нигде не было видно, но тут перед ним выскочила на рыжем коне девушка в светлом платье и темно-сером плюшевом камзоле. На голове ее ладно сидела узбекская тюбетейка.

– Догони меня, Саржан! – воскликнула она и задорно засмеялась, гарцуя на месте.

Парень с интересом уставился на нее. Но девушка уже отъехала и оказалась первой среди готовых к игре девушек. Кровь заиграла в жилах Саржана, он хлестнул своего серого трехлетку и помчался за озорной незнакомкой.

Они летели друг за другом под громкие крики и улюлюканье зрителей. Расстояние между ними сокращалось, и это еще больше раззадоривало Саржана.

– Давай! Догони ее! Джигит ты или размазня?! – доносились до него крики из толпы.

Почти у самой конечной черты Саржану удалось догнать девушку. На полном скаку он изловчился и поцеловал ее под одобрительные голоса зрителей. Но та вдруг вырвалась из-под его руки и помчалась дальше в степь. Саржан поскакал следом.

Возбужденный зрелищем Александр, у которого горели ладони от хлопков, растерянно посмотрел им вслед.

Девушка проскакала немного и натянула поводья. Саржан подлетел к ней и заглянул в лицо.

– Что, не узнал? – спросила она, откидывая голову и звонко смеясь. – Это же я, Рахилия, твоя кудаша¹⁴.

– Рахилия?! – изумленно протянул Саржан. – Вон та костлявая девчонка из Сулутора?

– Ах, вот как?! – воскликнула девушка и, хлестнув его камчой, прищипорила коня.

Не ожидавший такого поведения с ее стороны парень помчался за ней. Он настиг беглянку неподалеку от одинокой урючины и снова поцеловал. Но теперь она не выказала сопротивления, наоборот, вся обмякла в его объятиях.

¹⁴ Кудаша – младшая родственница супруги, в данном случае невесты, для мужа (жениха).

Нияз под урючиной проснулся от топота копыт, потянулся всем телом так, что хрустнули кости. Потом сел и, оглядевшись, увидел целующуюся парочку. Он улыбнулся, и тут же перед его взором предстала вчерашняя маленькая девушка на качелях. И в груди разлилась нежность, какой джигит не знал прежде. Как бы ему хотелось увидеть ее вновь! Между тем всадники начали удаляться и вскоре скрылись из виду...

Бикеш едва добудилась дочери.

— Вставай, доченька, солнышко мое, день к закату клонится. А на закате спать негоже, голова будет болеть.

Нурила никак не могла отойти от глубокого сна. «И вправду, что это со мной?» — подумала она, зевая и потягиваясь.

— А где Рахия?

— Она ведь убежала в игре участвовать, да так и не вернулась, — сообщила мать и тут же затревожилась: — Господи, где же это девчонку носит? Не украл бы кто ее...

— Рахилю?! — засмеялась Нурила. — Не беспокойся, мама, разве ты не знаешь ее? Никогда себя в обиду не даст!

Рахия, крадучись, появилась за ширмой у Нурилы, когда солнце скрылось за горизонтом. Она была мокрая, с кос и со всей одежды ее стекали капли воды.

— Что случилось?! — испугалась Нурила.

— Ничего! Как видишь, живая! Просто решила искупаться, — засмеялась та, отводя глаза. — Нукеш, дай мне полотенце, я переоденусь.

Переодевшись во всё сухое, Рахия распустила косы и принялась расчесывать их роговым гребнем. Щеки ее зарумянились, губы припухли.

— Какая ты красивая, Рахия! — Нурила залюбовалась на сестру. — Не иначе как с тобой приключилось что-то чудесное. Ну, рассказывай!

Рахия молчала некоторое время, сосредоточенно расчесывая волосы, потом вздохнула:

— Да, ты угадала, Нукеш. Меня на игре догнал один джигит и... поцеловал, — проговорила она, не поднимая глаз. — Потом мы... ездили с ним по степи. И целовались...

— Целовались?! — Нурила потрясенно покачала головой. — Неужели ты так влюбилась в него? Кто он, откуда?

— Я ничего не знаю. Мы почти не говорили с ним.

Нурила молча, во все глаза смотрела на сестру.

— Какая же ты смелая, Рахия! — сказала она. — Я бы так не смогла.

Тут из-за ширмы показалась Бикеш.

— Пришла наконец! Где ты пропадала? — накинулась она на племянницу. — Не дай бог с тобой что случится, мне же перед матерью твоей отвечать!

Рахия вскочила на ноги и обняла тетю:

— Прости, апке! Я долго ждала своей очереди на игре, потом решила прокатиться по вечерней прохладе. Прости, душа моя, апке! Больше такое не повторится.

— Айналайн, — проговорила Бикеш, смягчаясь и целуя ее в лоб, — ты же девушка на выданье, нельзя быть такой легкомысленной!

Племянница только кивала головой, не поднимая глаз. «Неужели это моя веселая хохотушка Рахия? — думала Нурила, глядя на сестру. — Может быть, она что-то скрывает от меня? А я ведь хотела рассказать ей о своих чувствах ко вчерашнему джигиту... Но как же мне увидеть его?!»

8

На другой день, как и намечалось, борцы-балуаны собрались вокруг большой толстой кошмы, расстеленной на задах аула, чтобы померяться силами в борьбе по-казахски. Среди них был и Кобей. Любители этого состязания один за другим тянулись со всех сторон в предвкушении азартного зрелища. Поддержать Кобея пришел Алим. Нияз решил прокатиться до озера.

Нурила хотела выйти на прогулку по степи вместе с сестрой, но та отказалась:

– Я, видно, вчера немного простудилась после купания в холодной реке, полежу сегодня дома.

Нурила понимала, что ей, как невесте, свадьба которой не за горами, негоже ходить одной. Ее любимая женге, жена младшего брата, не сегодня-завтра должна была родить, поэтому не могла сопровождать золовку. Немного подумав, девушка решила слукавить. Она сказала матушке, что найдет Саржана и будет с ним смотреть состязание борцов. Бикеш одобрила ее решение: «Что ж, доченька, иди, пора вам уже привыкать друг к другу», и Нурила радостно выпорхнула из юрты. Она никогда раньше не лгала матери, и теперь у нее горели щеки от стыда. Меньше всего Нурила желала сейчас быть в толпе людей, душа рвалась на волю, в степь. Ей хотелось разобраться в себе, понять, чего хочет ее сердце.

Нияз скакал мелкой рысью по берегу озера. День выдался жарким, и озерная прохлада приятно оведала лицо. «Вот почему его называют Кызыл-коль», – подумал он, глядя на выступающее из прозрачной воды красноватое дно. Джигит не был один, многие участники предстоящей байги совершали пробежки по округе. Был среди них и Айдос с десятилетним братом Жумабаем. Они скакали рядом, голова в голову. Жумабай ехал на чубаром Каршыге, а Айдос на гнедом коне. Айдос давал советы и наставления Жумабаю, который завтра поскачет на чубаром к победе.

– Тебя ведь недаром Жумабаем называли, – сказал Айдос, переходя на шаг. – Ты родился в пятницу, а пятница у мусульман – самый лучший день. Сколько помню, тебе всегда везло: матушка все самые лакомые куски для тебя берегла, Октай-ата подарил свою дорогую камчу, а когда ты упал в горах со скалы и разбил голову, мозги остались целые. Или нет? – спросил он серьезным голосом.

Жумабай невольно пощупал голову, чем вызвал раскатистый смех брата. В этот миг мимо проезжал Нияз. Конь его словно плыл по небу, как легендарный Пырак¹⁵. Высокая лебединая шея, длинные тонкие ноги, шелковистый хвост, стриженная чуть не под корень грива. Но больше всего поражала масть коня – буланая, сверкающая на солнце, как золотая.

– Коке, что это за конь? – спросил изумленный мальчишка, провожая взглядом всадника.

– Сам в первый раз вижу. Тебе завтра предстоит состязаться с ним. Я думаю, это серьезный соперник.

Нияз чувствовал на себе любопытные взгляды других всадников. Их интерес к невиданному в этих краях скакуну вызывал в нем больше раздражения, чем гордости. Он свернул от озера и поехал в сторону полюбившейся ему урючины.

Нурила увидела джигита на золотом коне издалека. Радость и испуг одновременно охватили девушку. Они повергли ее в такое волнение, что ей захоте-

¹⁵ Пырак (Бурак) – в мусульманской мифологии верховное животное, на котором пророк Мухаммед совершил вознесение на небеса.

лось спрятаться куда-нибудь. И Нурила побежала в сторону урючины, надеясь укрыться под ее кроной.

9

Саржан проснулся поздно, в открытый тундук¹⁶ лился ровный свет теплого весеннего дня. Он лежал в своей юрте, которую отец выделил недавно как долю готовому к женитьбе сыну. Когда остатки сна постепенно рассеялись, память быстро восстановила события вчерашнего дня. Кудаша Рахилия... Ах, как она была хороша вчера! Сколько прелестниц уже побывало в его объятиях, но в этой девушке была какая-то загадка, которую он должен был непременно разгадать. Ее горячие поцелуи отличались от застенчивых поцелуев юных девиц и сладострастных, разжигающих кровь лобзаний молодых. Когда Саржан, уже совсем потеряв голову, позволил себе вольность, Рахилия вдруг с силой оттолкнула его и отъехала на несколько шагов.

– Опомнись! Ты скоро женишься. Да к тому же не на ком-нибудь, а на моей сестре! И давай забудем о том, что произошло. Так будет лучше для всех нас.

Потом она резко повернула лошадь и ускакала к реке. Отрезвевший от ее слов, он не стал догонять девушку.

Закинув в рот баурсак и опрокинув в себя большую чашу кумыса, Саржан побрел к борцам. Аул аса был похож на муравейник. Туда-сюда сновала прислуга с разносами и самоварами, любители искусства сидели в юртах, слушающая наигрыши и песни, айтысы приехавших из разных краев прославленных акынов. Особенно оживленно было там, где забавлял публику Оспан-сери. Те, которым не посчастливилось попасть внутрь юрты, стояли снаружи, полукольцом обступив вход.

По пути Саржан ловил себя на том, что среди встречавшихся ему девушек ищет глазами Рахилию. В какой-то миг парень даже хотел свернуть в сторону юрты Ерназара, где жила кудаша, но его остановила мысль, что там ему выйдет навстречу будущая теща. Да и встреча с Нурилой сейчас была ни к чему. Предстоящая свадьба вызывала в нем только беспокойство и протест, и чем ближе и явственней были ее очертания, тем тревожней было на душе. Иногда его даже посещала дикая мысль: уехать куда-нибудь далеко-далеко и пожить там, вдоволь наслаждаясь свободой.

Приближаясь к месту борьбы, Саржан услышал азартные крики болельщиков, окруживших «поле брани». Там он нашел Александра, который возбужденно выкрикивал:

– Ну, давай же, дружище! Ах, что ж ты медлишь!

Соседние мужчины невольно озирались на него.

Рядом со студентом стоял, позевывая, толмач. На кошме боролись Кобей и местный балуан по имени Каржау. Они с Саржаном были давние приятели, и он сразу принялся подзадоривать его:

– Эй, Каржау, братец, не подведи! Согни его так, чтоб знал наших!

Силы борцов оказались равными. Оба они были коренастые, примерно одного роста и одного веса. Когда Каржау брал верх, почти вся толпа взрывалась криками радости:

– Молодец, мой джигит, давно пора так!

– Оправдай же молоко своей матери, мой балуан!

¹⁶ Тундук – квадратная кошма, закрывающая верхний круг дымохода юрты; открывается для выхода дыма или проникновения дневного света.

А когда Кобей оказывался наверху, раздавалось только несколько торжествующих голосов, среди них был сильный, ясный голос Алима и молодой басок Орлова. Саржан удивленно взглянул на петербуржца:

– Саша, вы знаете этого борца?

– Откуда же мне знать его? – отвечал тот, не отрывая глаз от борющихся. – Если я скажу тебе, мой друг, что мне нравится его борода, ты же не поверишь?

Поединок закончился победой гостя из далеких западных земель. Не оправдавший надежд земляков Каржау понуро отошел в сторону, провожаемый разочарованными возгласами. С обоих борцов градом лился пот, покрасневшие тела лоснились. Кобей пригоршней выжимал бородку. Александр потряс в воздухе сомкнутые кисти рук и восторженно закричал ему: «Браво! Брависсимо! Так держать!» Кобей понял, что этот русский юноша поздравляет его, и признательно прижал руку к сердцу. Алим обнял товарища и, похлопывая по спине, увел прочь из толпы. А место на кошме уже занимала новая пара борцов...

Нияз подъехал к урючине и спешился. Потом подошел к протекавшему неподалеку ручью, умылся, зачерпнул ладонями воды и начал пить.

Нурила с бьющимся сердцем наблюдала за ним, стоя под сенью дерева. Бежать куда-то было бы глупо. К тому же, если бы у нее сейчас спросили, хочет ли она этого, вряд ли девушка ответила бы утвердительно. Потом она перевела взгляд на коня, который стоял, подставив высокий лоб легкому ветерку со стороны гор Каратау. У ее отца Ерназара были тысячи лошадей в табунах, но такого красавца девушка не могла припомнить. Он казался ей пришельцем из других миров. Любуясь животным, Нурила не заметила, как подошел его хозяин.

– Нурила? – в голосе джигита она ясно услышала нотки радости.

Избегая встречи с его жгуче-черными глазами, девушка быстро заговорила:

– Я люблю эту урючину и часто прихожу сюда. В наших краях деревья растут в основном у берегов рек или у подножия гор, а она осмелилась вырасти в степи, на самом солнцепеке. Сейчас у нее плоды только завязались, но скоро они нальются янтарным соком и будут издалека манить к себе, как огоньки. Жаль, что вы не сможете их попробовать, они очень вкусные...

Тут Нияз коснулся рукой ее плеча, отчего Нурила вздрогнула и осеклась.

– Куда же ты так спешишь? – улыбнулся он. – Давай сядем в тени твоего любимого дерева, и тогда ты не торопясь поведаешь мне о нем.

Нияз скинул с себя безрукавку и постелил ее для Нурилы, а сам сел потурецки на траву, прислонившись спиной к шершавому черному стволу дерева. Поколебавшись, Нурила застенчиво опустила на предложенную подстилку, поджав под себя ноги и старательно прикрыв их подолом платья.

– Ты знаешь, сестрица, мне тоже нравится твоя урючина, – проговорил Нияз, глядя перед собой. – Вчера я даже спал под ней.

Сердце девушки продолжало еще волноваться, но она вдруг почувствовала, как ей покойно рядом с этим человеком. Куда-то улетучились мысли о том, что она, невеста, находится наедине с чужим мужчиной и кто-то может увидеть их. Нурила сказала, взглядывая на коня, стоявшего, прикрыв веки и отгоняя хвостом назойливых мух:

– А мне понравился ваш конь. Как его зовут?

– Его зовут Ыылдырым, на туркменском языке означает «Молния». Он – калым за мою старшую сестру, которая вышла замуж за туркмена. – Нияз говорил медленно, словно читал неведомую книгу. – Это ахалтеке, очень быстрые и выносливые кони пустынь. Обычно туркмен не расстается со своим конем, конь для него – больше, чем друг. Но Азиз так сильно полюбил мою

сестру Карашаш, что уступил условию нашего отца и отдал своего ахалтеке. Отец сразу подарил коня мне, тогда Ыылдырым был трехлеткой. И вот он уже восемь лет со мной. Кстати, – Нияз повернулся к девушке, – ты слышала что-нибудь о туркменах?

– Немного. Если хотите, я могу рассказать легенду об одном из них.

– Вот как? – удивился Нияз. – Что ж, я весь внимание. Ты такая хорошая рассказчица.

Щеки девушки зарделись от похвалы, она села удобнее и начала:

– Наша праматерь была святой женщиной, ее имя в народе Домалак-ана. Меня ведь называли в честь нее. Она была третьей женой знаменитого бая и бия Байдибека, который водил дружбу с самим Амиром Тимуром. Старшая жена бия Сары-байбише с первых дней невзлюбила молоденькую токал и строила разные козни. Байдибек-бий отселил Нурилу, чтобы байбише не смогла навредить ей. Юрта ее стояла на отшибе, и она жила там со своим маленьким сыном Тлеуберды. Как-то Байдибек-бий уезжает по делам в Туркестан, и из Сайрама приходит со своими джигитами разбойник по имени Кара-Хайдар, чтобы в отсутствие бия увести его лошадей. Они останавливаются возле одинокой юрты. Грозный с виду, черноусый Кара-Хайдар попросил у хозяйки напиток. Нурила налила им айрану. Они пили до тех пор, пока не выпили весь айран. Потом главарь попросил хлеба. Хозяйка подала ему лепешку. «Какая вкусная лепешка, что вы положили в нее?» – спросил Кара-Хайдар. «Я испекла ее на своем молоке», – отвечала Нурила. «Надо же! – воскликнул главарь банды. – Вы только посмотрите на эту милость Аллаха! Отныне вы – наша матушка, а мы – ваши дети. Никогда не забудем вас».

И тут один из разбойников спрашивает, где находятся лошади Байдибека. «Зачем вам они?» – встревожилась Нурила. – Не советую трогать ни лошадей, ни табунщиков. Не будет вам удачи, лучше возвращайтесь к себе». Но они ослушались ее и заплатились за это.

Накануне три дня и три ночи шел ливень, и река Боралдай вышла из берегов. Когда они пытались переплыть ее, то один джигит утонул вместе с конем, а два других лишились лошадей и кое-как выбрались на берег. И тогда разбойники поняли, что женщина из одинокой юрты – непростая. Они вернулись к ней, спешились и попросили у нее прощения: «О, святая Мать, простите нас! Мы не послушались вас и были за это наказаны. Благословите нас, и мы вернемся на родину!» Домалак-ана благословила их. А главарь Кара-Хайдар поклонился ей со словами: «Дихнат-мама! Вы стали для меня настоящей матерью. Аллах свидетель, вы и в самом деле святая, и я до конца жизни буду чтить вас!»

Этот Кара-Хайдар оказался туркменом, и с тех пор он называл Нурилу «Дихнат-мама» и находил ее всюду, чтобы получить благословение.

Нурила замолчала, вытащила из-за отделанного серебром кожаного пояса платочек и провела по губам.

– Какая красивая история, и как ты славно рассказываешь, слушал бы тебя и слушал, – сказал ласково Нияз, поворачиваясь к ней.

Девушка вскочила на ноги, отряхнула подол платья и заторопилась:

– Ой, я засиделась тут! Солнце уже высоко поднялось, мне надо идти, матушка, поди, ищет.

Она подошла к коню, провела рукой по его гладкой, атласной коже и сказала: «Желаю тебе удачи на завтрашней байге!»

– Спасибо тебе за пожелание, Нурила-жан, – улыбнулся Нияз, – но он не будет участвовать в байге. Это моя верховая лошадь. Ахалтеке хороши для далеких путешествий, но аламан-байга не для них. Там, на родине, он участвовал в скачках на десять верст и побеждал. А тут такой короткой байги нет.

Видя, что девушка сконфузилась, джигит добавил:

– Яставляю завтра другого коня, Карагера. Будем считать, что ты пожелаешь удачи ему.

Нурила благосклонно кивнула и быстрыми шагами пошла прочь, в сторону аула.

И тут Ыылдырым повернул изящную горбоносую голову и посмотрел ей вслед своими большими темными глазами. Нияз воспринял это как добрый знак.

10

К счастью, Нуриле не пришлось отчитываться перед матерью и умножать однажды сказанную ложь. Бикеш ушла по делам к Ерназару, пропадавшему целыми днями в ауле аса и приходившему только на ночлег. Увидев сестру с горящими глазами, Рахилия, пребывавшая в смятении чувств, насторожилась:

– Что с тобой, Нукеш? Ты так похорошела, не иначе как виделась с женихом?

Нурила закрыла лицо руками и плюхнулась рядом с ней:

– Ах, если бы это было так, Рахилия!

И девушка во всем призналась сестре. По мере того, как она рассказывала ей о своем нечаянном чувстве к приезжему джигиту и расписывала его красавца-коня, лицо Рахили светлело, и померкшие глаза оживали.

– Как это хорошо, Нукеш! Выходит, ты наконец познала любовь? – воскликнула она, и в ее голосе было столько радости, словно она нашла клад.

– Не знаю, – грустно покачала головой Нурила. – Как прекрасна была бы эта любовь, если б не мое обручение! Знаешь, Рахилия-жан, он такой хороший, и мне с ним так легко, как будто я его знала давным-давно, может быть, еще в утробе матушки...

Рахилия покатила со смеху. Она умела так смеяться, что все вокруг заражались ее смехом. И девушки веселились до тех пор, пока прислуга не принесла обед. Проголодавшиеся сестры набросились на куырдак¹⁷ из молодой баранины. Они долго наслаждались вкусной едой и чаем со сливками из самовара. Нурила опять и опять повествовала сестре-подруге о встрече, находя все новые и новые подробности, а та слушала ее жадно, впитывая каждое слово.

– Что же это я всё о себе! – всплеснула руками Нурила. – А как же твой джигит? Он нашел тебя?

Не ожидавшая такого вопроса Рахилия пожала плечами и отвечала загадочно:

– Нет еще. Найдет, если суждено.

Неожиданно явился Саржан. Нурила растерялась так, словно ее, как воишку, поймали с поличным. Лицо Рахили залилось румянцем, но она быстро взяла себя в руки и вошла в роль кудаши:

– О-о, кто к нам пришел! Сам жених изволил пожаловать! А мы-то думаем, где он пропадает? Просим к столу!

Саржан с удивлением оглядел обеих, но от трапезы отказался.

– Вот пришел поздороваться с тобой, кудаша! – сказал он, включаясь в игру и блестя глазами. – Неужто ты приехала для того, чтобы сидеть взаперти? Пойдемте на воздух, сейчас начнутся состязания по жамбы-ату.

Девушки выдворили жениха и, перешептываясь, начали переодеваться. Когда они, сменив наряды и поправив мониеты в косах, направились вместе с Саржаном к месту состязания, те уже шли полным ходом. Один за другим

¹⁷ Куырдак – жаркое из мяса и внутренностей барана.

выезжали стрелки и на полном скаку выпускали стрелы из лука в висевшие на столбах слитки серебра – жамбы. Многим всадникам не удавалось попасть по мишени. Орлов, решивший не пропускать развлечений, с интересом наблюдал и эту забаву. Толмач Бокин стоял рядом и разъяснял правила игры:

– Надо на скаку выстрелить, но не в сам слиток, а в веревку, на которой он висит. У каждого игрока три попытки. Если попадет, забирает слиток.

– Вот что я тебе скажу, любезный, – говорил студент, качая русой головой, – я тоже неплохо стреляю, правда, не из лука, а из пистолета. Но стрелять на скаку, да еще в тонкую бечеву, это, право, дело, требующее большого искусства.

Подошедший Саржан представил ему девушек. При виде них петербуржец сразу подтянулся, щелкнул каблуками:

– Честь имею, сударыни, весьма рад знакомству, – и учтиво поцеловал каждой руку.

Нурила смущенно потупилась, но Рахилия открыто посмотрела прямо в глаза студенту и игриво сверкнула белозубой улыбкой. Саржану это не понравилось, и он поспешил увести девушек подальше от Орлова. Вскоре их захватило зрелище, и они вместе со всеми рукоплескали меткому стрелку или выкрикивали разочарованно: «Эх, что ж ты так, парень! Опять промазал! Какой же ты стрелок?!» Саржан, стоявший между сестрами, незаметно завладел рукой Рахили и сжал пальцы. Она ответила на пожатие. Так и стояли они в продолжение всей игры, ведя только им одним понятный разговор руками.

Джигиты Младшего жуза праздновали в этот вечер вторую победу: Алимуду удалось завоевать серебряный слиток. Кобей накануне получил за выигрыш в борьбе верблюда-трехлетку и шубу из волчьей шкуры. Младший брат Нияза по имени Байгали взвесил в руках слиток и поцокал языком:

– Тяжелый! А какая у него цена?

– Цена его – отара овец, – ответил Алим, отбирая слиток. – А вот если ты завтра прискачешь первым в байге, то брат твой получит целый табун лошадей.

– Ух ты! А как мы погоним целый табун в такую даль?

Друзья засмеялись.

– Нашел о чем думать, – улыбнулся Нияз и потрепал мальчишку по бритой голове. – Были бы лошади, а как мы их погоним, дело десятое.

Вдруг глаза Байгали заблестели:

– Я придумал! Их можно продать в Туркестане на базаре!

И опять старшие засмеялись.

– Вот купец! – сказал Нияз. – Не дели шкуру неубитого архара. Давайте пораньше ляжем спать, завтра у нас важный день...

Саржан проводил девушек домой. Бикеш и Ерназар приветливо встретили его, пригласили на вечерний чай. Будущий зять вежливо отказался, лишь отведал по обычаю кусочек лепешки и ушел, обменявшись на прощание многозначительным взглядом с Рахилей.

Александр устало вытянулся на своей постели в юрте, которую делил с толмачом, волостным и его братом. Он смежил веки, и перед его глазами прошел весь прошедший день: обильные угощения с мясом, кумысом и душистым чаем, купание в реке со странным названием Ушбас – Три Головы. Вода в реке еще не успела прогреться, и от этого ощущения были острее. Вспомнились девушки. «Хорошенькая, однако, невеста у Саржана, только ростом не вышла, – подумал он, – а вот кузина ее, как бишь, ее звать-то? Кажется, Рахилия, да, Рахилия, она – барышня с эдаким восточным шармом». И, уже когда погружался в дебри сна, прилетела последняя мысль: «А имя-то у нее библейское...»

11

И вот наступил самый главный день поминок – день скачек, байги. «Конь – крылья джигита», – говорят казахи. И если другие народы приручали лошадь для езды и для работы, то кочевники роднились с ней душой и телом, чтобы в бешеной скачке слиться с животным и ощутить головокружительное чувство полета. Полета и свободы...

День выдался облачный, с гор веяло прохладой. «У Господа верный глаз, – говорили старики, – кони меньше будут перегреваться. – И по одним им известным приметам определяли: – Но и дождя не будет, он, скорее, пойдет ночью».

Глашатай в лазурно-синей одежде и высоком белом колпаке проехал перед собравшимся народом на белой трехлетке и объявил громким и вместе с тем высоким голосом, который в народе называют «гусиным», что в аламан-байге на расстояние пятьдесят верст изъявили желание принять участие девяносто девять наездников. «Пай-пай, неужели одного не хватило до ста?» – огорчились одни. «Хорошее число, – одобрительно кивали другие, – если вспомнить, что у Аллаха девяносто девять имен».

Лошади с мальчиками-жокеями на спинах выстроились длинной шеренгой и нетерпеливо грызли удила, стригли ушами, готовые сорваться с места. Жумабай верхом на чубаром Каршыге проверил, не отцепился ли лоскут для вытирания глаз коня, прикрепленный к рукоятке камчи. Октай-ата говорил, что, несмотря на ямки над глазами чубарого, куда будет затекать пот, на всякий случай следует иметь при себе тряпицу. Жумабай поправил на голове белый платок и зорко осмотрелся по сторонам. Ребята-шабандозы были все примерно одного возраста – от девяти до двенадцати-тринадцати лет. Говорили, что среди них есть и девочки, но поскольку они были одеты в мужскую одежду, их невозможно было распознать.

В свои тринадцать лет Байгали выглядел только на десять, был легок и цепок в седле. Он уже в третий раз садился на Карагера, чтобы принять участие в байге, и только один из них они проиграли, потому что кто-то из родичей соперников спугнул коня. Однако всё это происходило на берегах родного Жайыка, а тут совсем незнакомая местность, другие люди. Они даже говорят несколько иначе, и многие пожилые стоят на намазе, как его дед Салимгерей. Но страха в сердце парнишки не было, возможно, из-за отсутствия Нияза-ага, которое тот произнес утром, во время купания Карагера в реке: «Ты не должен ни о чем беспокоиться. Мы хорошо подготовили коня к скачкам, довели его до чистого пота, он не голоден и не слишком сыт. И главное, помни о том, что ты производишь из Младшего жуза воинов, в тебе живет непобедимый, воинственный дух предков. И под тобой крылатый конь, он знает свое дело. Дай ему волю, держи сердце безмятежным, а ум – чистым».

Наконец устроитель байги взмахнул белым флажком, и лошади рванули с места. Земля содрогнулась и загудела под ногами четырех сотен копыт. Народ всколыхнулся, провожая четвероногих красавцев в забег. Теперь оставалось только ждать, когда лошади, описав круг по степи, вернутся к финишу. Это могло занять время, которое кочевники исстари измеряли по-своему: «пока не сварится конина». Но никто не расходился, люди в возбуждении слонялись туда-сюда, некоторые собирались в кучки и делали ставки. Другие, уединившись по пять-шесть человек, рассказывали истории о знаменитых лошадях, нередко сдабривая их вымыслом. Болельщики помоложе нетерпеливо высказывали и вглядывались вдаль, за что порицаемы были стариками: «Не имейте такой привычки! Этим вы только удлиняете им путь!»

Оспан-сери сидел на сером иноходце и бездумно смотрел прямо перед собой. Сегодня на нем был другой наряд, не менее щегольской: из-под накину-

того на плечи серого парчового бешмета с затейливым рисунком выглядывала светлая сорочка, расшитая по вороту узором. На голове была шапочка из той же парчи, но теперь уже без перышка. Сери только что выпустил на скачки своего скакуна Кокжала и теперь с волнением и страхом ждал результатов байги. Сказав накануне о том, что прибыл на ас лишь с мальчиком-жокеем, сери немного погрешил против истины. При нем находился преданный помощник Есен, который тенью ходил за акыном и предвосхищал каждое его желание. Но даже он сейчас не мог понять, чего же хочет загадочная душа господина. Тонкая, восприимчивая натура Оспана-сери не могла пребывать долгое время в неведении и бездействии. И Всевышний позаботился о нем: вскоре сери окружила стайка девушек, одна краше другой, и он почувствовал себя как среди гурий рая. Девушки увели акына в одну из юрт и, посадив его на почетное место, стали осыпать сладкими речами, чтобы он спел для них свои песни. Нурила с Рахилей сидели по обе стороны сери. Осеке не пришлось долго упрашивать, он и сам был рад отвлечься и скоротать время. Из юрты сначала послышался призывный голос домбры, а после ее вступления полилась прекрасная песня о любви.

Вскоре на эти звуки потянулась и остальная молодежь. Саржан оставил петербуржца на произвол судьбы и присоединился к посиделкам. Увидев сестер, он отгеснил девушку, сидевшую рядом с Рахилей, и опустил на отвоеванное место. Допев куплет и получив очередную порцию восторженного признания, Оспан-сери обратился к Саржану:

– Оу, дорогой жених, разве твое место не подле невесты? – и кивнул в сторону Нурилы. – Помнится, ты готов был сделаться девушкой и выйти за меня замуж, а сегодня норовишь приударить за кудашой.

Все вокруг засмеялись. Но Саржан решил в этот раз не давать спуску сери.

– Невеста завтра станет моей женой, а кудаша птицей упорхнет в свой аул. Почему бы мне не поухаживать за ней? Разве это возбраняется нашими обычаями? – сказал он, приосанившись.

Оспан-сери оценил ответ жениха наклоном головы и вдруг, ударив по струнам домбры, запел, обращая свои рысьи глаза к Рахиле:

*Подобна нежному шелку шея твоя,
Взгляд твой игривый пронзил меня,
С солнцем поспоришь ты, поспоришь с луной,
Кто же достоин тебя, кудаша?*

Восхищенные зрители рукоплескали ему. На смуглых щеках Рахили заиграл румянец, она прижала руку к груди и отвесила акыну поклон. «Ах ты, старый лис, – подумал Саржан, ревниво щурясь, – не ты ли сам положил на нее глаз?»

Когда последние лошади байги скрылись из виду и вместе с ними ускакал Байгали на Карагере, Нияз оглядел толпу и, не найдя Нурилы, выехал на своем Ыылдырыме в степь. Подъезжая к урочине, он почувствовал волнение, словно мог увидеть под ее кроной девушку. Ночью она приснилась ему рассказывающей что-то. Он не слышал ее голоса, только видел шевелящиеся алые губки. И там, во сне, боролся с желанием поцеловать их. Теперь джигит сожалел о том, что не сделал этого хотя бы во сне, ведь наяву Нурила была недосягаема, закрытая непробиваемой ширмой чужой невесты.

Нияз спешился и, оставив коня, побрел по степи, глядя под ноги. Отцвели одуванчики, и теперь повсюду торчали их пушистые головки. Входили в цвет разные растения: молочай, ирис, лютик, повилика. Терпкий запах молодой зе-

лени будоражил, рождал неясные надежды. Снова и снова перед глазами его вставало милое лицо Нурилы, ее умные пытливые глаза, которые она застенчиво отводила в сторону. «Моя хорошая девочка! Что ты делаешь со мной?!» – простонал он и, упав ничком, зарылся лицом в траву. Йылдырым подошел к хозяину, который в его конском разумении был ему братом. Он коснулся губами плеча джигита и тихо заржал, точно выражая готовность принять на себя часть его страданий...

«Когда поравняешься с аулом Касым-бая, отпусти поводья», – эти слова Айдоса Жумабай помнил хорошо. Вот и первые юрты аула. Мальчик огляделся по сторонам и увидел, что скачет посреди примерно трех десятков всадников, которые оторвались от общей массы. Он отпустил поводья и слегка прищипорил чубарого. Умное животное поняло, что от него требуется, и бросилось вперед. Но, видно, не только Айдос знал эту премудрость. Вскоре Жумабая начал настигать темно-гнедой конь, его шабандоз в красной повязке на голове вдруг закричал во всё горло: «Жиен-бай! Жиен-бай!» Жумабая словно подстегнул клич чужого племени, и он опять легонько прищипорил Каршыгу. Впереди появилось темное пятно финиша, и словно без его воли изо рта мальчишки вырвалось протяжное: «Бах-ти-я-аар!» Чубарому, видимо, не хватало именно родного клича, и он понесся так, что сразу оставил позади себя остальных коней.

В юрту, где Аспан-сери ублажал благодарную публику, заглянул мальчуган, крикнул: «Едут!» и был таков. Все вскочили на ноги и, забыв про своего кумира, бросились наружу.

А доведенный ожиданием до крайнего возбуждения народ уже встречал, одного за другим, победителей.

Первым, выкликаая клич Старшего жуза и племени Дулат, пришел Жумабай на чубаром. Ему вторили Айдос, Октай-ата и другая родня. Брат стащил ликующего седока с коня, крепко обнял, приговаривая: «Молодец, мой сокол, мой лев! Я же говорил тебе, что ты удачливый!» Потом он обнял коня, поцеловал его в лоб и поочередно – в глаза: «Ах ты, мой Каршыга! Мой Ястреб! Красавец мой! Оправдал все мои надежды, всю мою любовь, все мои труды!» Тут с поздравлениями подошел Ерназар-бай.

Вторым в первой тройке оказался вороной конь из Семиречья, а Карагер пришел третьим. Байгали был сильно расстроен. Соскочив с коня, он хотел уйти, раствориться в толпе, но Кобей обхватил парнишку и молча прижал к своему могучему телу. Алим вытирал пот с глаз лошади и, вытянув шею, озабоченно выглядывал Нияза. Друзья никак не могли понять, куда он подевался в такой час. Они уже подозревали, что с товарищем их приключился недуг, который называется красивым арабским словом «махаббат». По вполне понятным причинам их это радовало и тревожило одновременно.

Между тем народ продолжал встречать остальных. Одна за другой приходили лошади первой девятки. В третьей тройке первое место занял темно-гнедой конь Оспан-сери Кокжал. «Акжол! Акжол!» – кличем племени Аргын поддержал Есен мальчишку-шабандоза и помог ему спешиться. Тот с опаской взглянул на хозяина коня, ожидая недовольства. Но Оспан-сери погладил его по стриженной голове и широко улыбнулся: «Молодец, малыш! Ты славно потрудились. Молодец!» Потом, держа за поводья, оглядел Кокжала, словно не веря, что тот в целостности и сохранности стоит перед ним. И вдруг припал к его шее и затрясся в рыданиях.

Наконец появился Нияз. При виде брата Байгали рванулся к нему и закричал срывающимся голосом: «Ага, прости меня! Я... у меня не получилось прийти первым, пусть меня покарает Бог, не получилось!» Нияз взял его обеими руками за голову и поцеловал в лоб. «Эй, братик мой дорогой, о чем это

ты?! Перестань, ты же мужчина, джигит! – проговорил он ласково. – А джигит не должен раскисать при первой неудаче. К тому же ты вошел в девятку победителей среди сотни лошадей. И это здорово!»

– Что это они выкрикивают? – спросил толмача стоявший в первых рядах зрителей Орлов.

– Кличи своих племен, – коротко отвечал тот.

– Резонно. А ты, Ахмет, из какого племени?

Бокин недовольно поморщился:

– Зачем это вам знать, Саша? Я скажу, а вы тут же забудете.

После прихода третьей тройки ответственные за призы даяшы начали оглашать награды. Каршыга удостоился двухсот лошадей и ста овец. Родичи Айдоса ликовали, это было настоящее богатство для их семьи. Семиреченский вороной получил сто пятьдесят лошадей и серебряный слиток. Карагеру Нияза досталось сто лошадей и шестиканатная юрта со всем убранством.

Ахмет Бокин переводил Орлову эти призы, и тот слушал, округляя в изумлении глаза:

– Но, позволь, любезный, это же форменное расточительство!

– Это для вас расточительство, – усмехнулся Бокин, – а казахи – народ широкий, для нас это – показатель щедрости...

Пока Нурила боролась с острым желанием подойти и поздравить Нияза, Саржан и Рахилия, стоявшие рядом, куда-то пропали. Оставшись одна в толпе взбудораженных людей, она почувствовала себя неуютно и собиралась уйти домой. Но тут перед нею вырос как из-под земли Нияз. От неожиданности она охнула и отступила назад. Кто-то сзади оттолкнул девушку, и она попала прямо в руки джигита. Он бережно обнял ее и посмотрел прямо в глаза. А Нуриле казалось, что Нияз смотрит ей в самое сердце и видит всё, что происходит там. Видит, что она думает о нем дни и ночи напролет. Видит, что ей хочется рассказать ему свой сон о джигите на золотом коне. Вокруг них говорливая шумная толпа двигалась, толкалась, а они ничего не замечали.

– Почему ты сегодня не пришла к своей урючине? – спросил он наконец.

– Я... мы были с сестрой, – пролепетала она, задыхаясь от этой невыносимой близости.

Нияз взял ее за руку и осторожно вывел из толпы. Девушка хотела бежать домой, но он остановил ее:

– Приходи к урючине перед закатом, мне нужно сказать тебе что-то очень важное.

Нурила не помнила, как прибежала домой. Сердце ее билось, выстукивая его имя: «Ни-яз, Ни-яз». «Он тоже любит меня!» – ликовало оно. Но тут вмешивался разум: «У этой любви нет будущего! Остановись!»

И когда появилась наконец Рахилия, девушка бросилась к ней:

– Почему вы оставили меня?! Где ты пропадала? Ох, Рахилия, кажется, я сейчас рассыплюсь на мелкие кусочки!

12

Выслушав сбивчивый рассказ сестры, Рахилия выпалила с горящими глазами:

– А теперь послушай меня, Нукеш. Только не перебивай!

И она поведала о том, что джигит, поцеловавший ее в игре, не кто иной, как Саржан. Да! Да! Она влюбилась в него еще девочкой, когда впервые увидела в Сулуторе. Влюбилась, зная, что он обручен с Нурилой. И все эти годы носила в себе эту любовь, плакала ночами, а днем изображала веселую, бесшабашную девчонку. И пошла на ту игру с ним, чтобы сорвать запретный плод...

А потом ужаснулась того, что сделала. Ее так мучила совесть перед Нурилой, что она даже заболела. Но узнав о том, что приезжий джигит запал в сердце сестры, Рахили решила помочь и ей, и себе. Для этого девушке надо было понять, кто она для Саржана – очередная зазноба или та, с которой он готов связать судьбу.

– И вот сегодня твой жених сам позвал меня к речке, где мы обычно гуляем с тобой. Там он сказал, что ты ему как сестра, а со мной он чувствует себя настоящим мужчиной. И хочет, чтобы я всегда была рядом с ним.

Нурила слушала ее с распахнутыми глазами, склонив голову набок от изумления.

– Я знаю, что Саржан бабник, – продолжала Рахили страстно. – Но я не осуждаю его за это. И я готова ждать, пока он наиграется. Потому что... потому что я люблю его.

Потрясенная Нурила долго молчала, потом крепко обняла сестру:

– Какая же ты мудрая, Рахили-жан!

– Знаешь, что он мне сказал сегодня? – улыбнулась сестра. – «Все женщины, с которыми я имел дело, хотели, чтобы я принадлежал только им одним, а ты даешь мне свободу, и, возможно, поэтому мне не хочется никуда уходить от тебя».

– Ах, как я рада за вас обоих! – воскликнула Нурила. – Но что же будет дальше?

– А дальше будет вот что, – сказала Рахили решительно и изложила ей составленный вместе с Саржаном план действий.

После ужина подошел Саржан, и Бикеш отпустила девушек совершить вечернюю прогулку.

– Присматривай за кудашой, не давай ее в обиду! – напутствовала она будущего зятя, отчего все трое впали в безудержное веселье.

Вечерняя степь встретила их прохладой. Нурила отделилась от Рахили с Саржаном и пошла к урючине. Там ее уже ожидал Нияз.

– Ты пришла! – он обнял девушку и нежно коснулся губами щеки.

Как и в прошлый раз, она начала торопливо говорить первая:

– Когда мне было пятнадцать лет, мне приснилось, что джигит на золотом коне увозит меня в далекие края. Потом этот сон снился еще два раза. Моя покойная бабушка Айганым говорила, что бывают вещие сны. Когда я увидела тебя и твоего коня, который сиял на солнце, как золотой, я поняла, что сон мой был вещим... – Она подняла к нему глаза: – Ты же хочешь увезти меня?

– Ах, моя хорошая, свет мой! Именно этого я и хочу больше всего на свете! – воскликнул джигит, сжимая ее руки. – Я понял это еще там, на качелях. И если б ты была свободной, я бы прямо сейчас пошел к Ерназару-ага просить твоей руки! Но... ты обручена, поэтому остается только похитить тебя...

– Тебе не придется меня похищать. Считаю, что я свободная, – сказала она, улыбаясь, и рассказала ему обо всем...

Остались позади четыре насыщенных дня аса. Предстояли еще забавы кокпар и аударыспак¹⁸, требующие приложения сил и от участников, и от устроителей. Поэтому, посоветовавшись с аксакалами, Ерназар-бай объявил следующий день днем отдыха. С особенной радостью встретила эту весть молодежь и ринулась развлекаться дальше. Опять в центре внимания оказался Оспан-сери. Придя в себя после байги, он воспрял духом и был в ударе. Возле юрты, где сери раскрывал свои таланты, как павлин перья, постоянно царило оживление. Как и предвещали старики, ночью прошел дождь, и наступивший

¹⁸ Аударыспак – игра, в которой всадники пытаются свалить один другого с лошади.

день был наполнен свежестью. Гости постарше совершали пешие и конные прогулки по округе.

Лишь петербуржца Орлова весть о выходном дне не обрадовала.

— А что, любезный, не пора ли нам и честь знать? — сказал он задумчиво, обращаясь к толмачу. — Насмотрелся я разных игрищ, наелся мяса впрок на целый год. Да и по Николаше соскучился. А?

Бокин равнодушно пожал плечами:

— Как пожелаете. Можно и уехать.

— Экий ты, брат, скучный! — вырвалось у Александра. — Слова из тебя не вытянешь! И куда запропастился этот, как бишь его, Саржан?

А Саржан был по горло занят своими сердечными делами, да и не только своими. Теперь, когда положение четверых влюбленных прояснилось, они открыто могли проводить вместе время, не вызывая ни у кого подозрений и кривотолков, что они и не преминули сделать в этот прекрасный апрельский день.

Выехав за пределы аула, Нияз, Нурила, Саржан и Рахия отправились к горам, чтобы вдаль от многолюдья отдать дань велениям сердец.

13

Годовые поминки по Мырзагулу-хаджи длились неделю. Все гости, прибывшие почтить память покойного, остались довольны. Покидая аул аса, они благодарили бая Ерназара вместе со всеми его домочадцами и, по обычаю, желали, чтобы следом был той. Разумеется, они намекали на долгожданную свадьбу Нурилы и Саржана.

Когда полторы сотни юрт были разобраны, и всё пространство аула поминок очищено от груды костей и прочего мусора, Ерназар и Касым собрались обсудить проведение свадьбы. Они возлежали на подушках в одной из юрт Ерназара в ожидании женщин, которые, как всегда, запаздывали. Касым перебирал струны домбры и напевал негромким приятным голосом народную песню.

И тут в юрту вошли один за другим четверо влюбленных. Баи встретили их с недоумением, но всё же пригласили к дастархану. Больше всего их насторожил приход Нияза. Сердце Касыма заныло в неясной тревоге.

По договоренности между молодыми слово взял Нияз.

— Как вы знаете, я приехал сюда почтить Мырзагула-хаджи по просьбе моего деда Салимгерее, с которым покойный бий породнился духом в далекой Мекке. Но, как оказалось, я приехал не только для этого. — Здесь он сделал паузу и посмотрел на Рахию, словно ища у нее поддержки. Девушка едва заметно кивнула ему.

Касым облегченно вздохнул: «Вот куда он клонит! Сватается к племяннице Бикеш».

У Нурилы от волнения и страха руки и ноги похолодели, а щеки пылали, Рахия же была спокойна и собрана.

— Как оказалось, я приехал за своей суженой. — Нияз снова остановился и теперь посмотрел на бая Ерназара. — Ерназар-ага, здесь нет старших из моей семьи, поэтому я сам и главный сват, и жених. Прошу отдать за меня вашу дочь Нурилу.

— Что?! — вскричал в негодовании Касым-бай. — Что ты такое несешь?!

А Ерназар потерял дар речи.

И в этот миг в юрту вошли Бикеш и Жибек. По их растерянным и виноватым лицам мужья поняли, что те уже всё знают.

...После криков, споров и прочих треволнений баи, наконец, вынуждены были принять сложившееся обстоятельство. Больше всех был огорчен Касым-бай, ибо рушились самые сладкие надежды его на Нурилу по спасению непутевого сына. Но Бикеш и Жибек убедили его в том, что Рахилия еще лучше справится с этой задачей. А Ерназар, наоборот, был доволен, хотя тщательно скрывал это, дабы не обидеть несостоявшегося свата. Ему сразу понравился Нияз, даже мысль, помнится, возникла: «Эх, вот какого надо зятя!» А жены баев были рады любому раскладу событий, лишь бы дети были счастливы. Правда, Бикеш и Ерназар печалились по поводу того, что им годами не придется видеть единственную дочь. Но ничего не поделаешь, недаром ведь говорится: «Дочь – гостья».

В связи с щепетильностью случившегося Ерназар справил проводы дочери в узком семейном кругу.

С калымом всё тоже решилось без проволочек. Ерназар вернул Касыму взятый за Нурилу калым, который позже перекечевал родителям Рахили. Нияз отказался от приза за байгу, а также обещал дать дополнительный калым летом, когда будущие тесть с тещей приедут на родину жениха знакомиться с новыми сватами.

В мае вся степь заалела от маков, а в небе всё чаще стали слышаться трели жаворонка. В один из солнечных дней вся родня бая Ерназара проводила Нурилу с Ниязом в новую жизнь, распрощавшись с его друзьями и младшим братом.

Проезжая мимо кладбища, путники спешили и подошли к мазару деда Мырзагула и бабушки Айганым поклониться их праху, прочитать молитву и испросить благословения на добрый путь. Лошади, призовой верблюд Кобея, а также навьюченные приданым Нурилы два верблюда стояли в сторонке, поджидая седоков. Ёылдырым, изогнув шею, смотрел куда-то вдаль. Совершенное тело его, словно вышедшее из-под резца ваятеля, золотом переливалось на солнце.

...Вещие сны сбываются. Но не каждому они снятся, а только тем светлым созданиям, чей дух высок, а сердце чисто.

19.06.2024

Алматы

